

Большее двух месяцев Саблина в слесарях не держали. В какой-нибудь глубокой дыре обязательно появлялось узкое место, и его отправляли туда проработать. А в этом случае и дыра была не слишком глубокая — приличный поселок, почти город, но местное начальство, как водится, лето красное пропело... Короче, аврал — залезай в комбинезон и не вылезай, пока из трубы дым не пойдет. Дым из другого места в зачет не принимался.

На притирку к новым географическим условиям и новым людям времени у Гены не было, да и не требовалось оно: почти все монтажники знали его — если не лично, так по слухам.

Ну что рассказать вам, как проходят авральные работы или детективную историю?

Детектив хотите?

А зря, на работе мужик раскрывается полнее, чем на пьянках и гулянках, но если возжелали остренького — пожалуй-ста, можно и детектив.

Пришлось Гене отлучиться на три дня, надо было помышковать на предмет электродов и арматуры. Возвращается, а в бригаде полуторасуточный перекур. При чем — трезвый. У Гены — естественный

вопрос. Ответ был тоже вполне естественный, но не очень приятный — четверых арестовали и увезли в КПЗ.

Я забыл уточнить, что монтаж велся на птицефабрике. Вот и поймали красавцев с этими птичками. С поличным взяли. Прямо на проходной. Мужики вчетвером выносили с территории трубу-двухсотку с заглушками на торцах. Их остановили, спросили куда несут и с какой целью.

— На химобработку! — отвечают.

— А разве на территории провести химобработку нельзя? — допытываются.

— Ни в коем случае, — говорят, — о курочках ваших печемся. Химия — враг здоровья.

— А заглушки для какой надобности?

— И заглушкам химобработка требуется.

Предложили разболтить. Бригадир в бутылку полез — какое, дескать, право имеете! Хотел на горло взять, думал, что перед ним обыкновенные вахтеры. А они ему корочки под нос. Пришлось посылать слесаря за ключом. Ходил полчаса, а принес не тот, что нужен. Тогда уже милиция голос повысила. Сопротивление властям стала шить. Деваться некуда, сначала чистосердечно сознались, потом собственноручно снимали заглушки и доставали государственную собственность из трубы, но было поздно. Всех четверых загрузили в воронок. Любит районная милиция приезжих арестовывать и делает это с огромным удовольствием. Выхухоль тоже сюда не хулит, даром, что воняет.

Выслушал Саблин жалобы подчиненных, переоделся в самую замасленную робу и отправился к начальству.

А те: извините, мол, но ничем не можем помочь, закон есть закон. Гена против закона возникать не стал, но, в свою очередь, напомнил, что дело есть дело, зима на носу, а монтаж не закончен, и арест самых квалифицированных рабочих окончания дела не приблизит, а вот ежели они посоделят, тогда его орлы в лепешку расшибутся. Начальство задумалось. А Гена кует, пока горячо. Не настаивает, чтобы расхитителей простили, но какая фабрике польза, если их посадят? Никакой. А если их освободят, бригада возместит нанесенный ущерб в двойном размере. Украли на тысячу — отработают на две. Короче, уговорил. Правда, когда предъявили сумму, на которую якобы наворовали монтажники, у Саблина с желудком плохо стало. К естественному падежу искусственный приплюсовали. Но больше всего Гену возмутило, что все украденные куры оказались несушками, а за них тариф повышенный. Возмутился, разумеется, не в кабинете у начальства, там приходилось только благодарить.

Мужики вернулись на работу. Дело возбуждать не стали, наверняка не без участия несушек. Но Гена не успокоился, начал собственное расследование. Не случайно же заставили открывать заглушки на трубе, без шпательки не обошлось. Подсказали добрые люди. Но кто? Какой-нибудь прыщ из бригады? Такой вариант он не исключал, но оставил на потом — не хотелось людей обижать. Больше склонялся к тому, что кто-то проболтался, а там уже по цепочке донесли.

Хо́да нет — ходи с бубей. Подозреваемых нет — ищи женщину. Выяснить, кто из мужиков завел подружку — дело нехитрое. Это женам монтажников товарки нашептывают, будто их мужья на каждом объекте по зазнобе содержат. На самом деле не все так просто. Я уже говорил, что найти свободную конуру в маленьком поселке не каждому дано. Самое

большое оскорбление в бабьей склоке — сама ты с монтажником спала. Конечно, особо ушлые и в монастыре не постанутся.

Главным бабником в бригаде считался сварщик. Мужик видный и обхождение имел, в тюряге умных слов понахватался. И симпатия его на виду была, в столовой на раздаче стояла, все прелести из халата — напоказ. Гена сварщика отозвал в сторонку, и разговорчик между ними произошел.

— Знала баба про кур?

— Про кур знала, про трубу — нет!

— Может, по пьянке проболтался?

Сварной по-блатному рванул рубаху на груди и в крик:

— За лоха держишь? Первый и последний раз я проболтался в девятнадцать лет, за что и срок отмотал!

Довод, конечно, веский, но Гену на понт не возьмешь, красивых слов от блатарей успел послушаться. Решил поговорить с женщиной. Беседа началась на улице, а продолжилась у нее в квартире, чтобы лишние сплетни не плодить. До утра выпытывал и понял, что про трубу она не знала, а если бы и знала — не проболталась, с понятием подруга.

Таким же манером Гена допросил еще двух красавиц, с которыми водились его разбойники. Естественно, что все эти долгие ночные допросы проходили в строгой секретности от бригады. Мне-то он рассказывал про свое расследование пару лет спустя и за тысячу километров от злощастной птицефабрики. А когда искал виновного, километраж была на высшем уровне. Красоток не подвел, парней своих не обидел. Все бы хорошо, если бы до истины докопался. Ночью — до седьмого пота, а виновник не находится, хоть по второму кругу допросы проводи. Поневоле за сомневаешься в правильности выбранного пути. Начал думать, что зря грешил на женщин и недооценивал доблестную милицию. Трюк с трубой не ахти какое свежее изобретение, вполне могли вычислить. Впору было закрывать расследование, пусть и трудоемкое, и рискованное, но все-таки захватывающее дух.

Однако подвернулся случай.

Выпивал с главным механиком фабрики. Разговор нечаянно вырлил к несущкам и механик проговорился.

Рано Саблин засомневался. Не подвело все-таки чутье — женщина. Музыкантша из Дворца культуры.

Приехал на фабрику инструктор обкома профсоюзов и завез ей подарок от родителей. Благодарная хозяйюшка возьми да и угости его курочкой. А в магазинах-то шаром покати. Ясно, что с фабрики. Он поинтересовался, ради смеха, не предки ли безголосых учеников задабривают строгого педагога. Ей бы согласиться, но надо же разговор поддержать, вот и поведала, какими хитростями монтажники выносят кур через проходную. А потом из-под полы продают мирному населению. О том, что на фабрике воруют кур и руки при этом давно ни у кого не трясутся, инструктор догадывался, не с луны же свалился. Но чтобы на продажу! По тем временам такое считалось очень даже неприличным. И он с чистой совестью просигнализировал. И нашел сочувствие. Да тут и любой возмутится. Разве можно обижать бедную музыкантшу. Гена и сам бы спекулянта проучил, он умел доходчиво разъяснять, что такое хорошо и что такое плохо. Но опять же, неувязочка получалась — с какой стати будет откровенничать с незнакомой торгующий ворованным.

В тот же вечер Гена заглянул во дворец культуры. У музыкантши там

собственный кабинет имелся, небольшой, но уютный, с диваном и холодильником. А вот сама дамочка оказалась ему не совсем уютной. Не то чтобы страшная, но какая-то не располагающая: и лицо, и прическа, и даже костюм — все чересчур строгое. Правда, наметанный глаз под строгим костюмом угадал очень даже стройную фигуру. Но мысли Гены были заняты другим — кто из его парней сумел проникнуть на эту конспиративную явку, что за тихушник. Надо было как-то узнавать. Коньячок для беседы с интеллигентной дамой у него имелся. Но на закуску ему предложили яблоки, а не курочку. И никого из монтажников она не знала, по ее словам, не слышала даже, что такие звери обитают в местных краях. Разговор вроде и получался, а приступить к допросу не удалось. Единственное, успел выяснить, что родители ее живут в Калуге. Значит, никакой посылки от них инструктор привезти не мог, и визит к дамочке в строгом костюме имел другую цель. Какую? Пусть даже самую щекотливую. Гену это не трогало. Не до чужих пашней. Обрадовался было, что взял след, а след опять ускользал. Представить кого-то из своих оболтусов рядом с ней, как ни старался, не представлялось.

Не связывалось.

Не склеивалось.

Не сваривалось.

Пошел на всякий случай поговорить с парнями. И опять мимо. Слыхом о такой не слыхивали. Зачем нужна музыкантша, если магнитофон имеется, меньше капризничает и в любой момент можно выключить. Иного Саблин и не ожидал, но для полной отработки версии надо было поинтересоваться. Удостоверился, поставил на версии крест и поплелся к себе, а потом спохватился. Был в бригаде студент-заочник, так вот, на его койке лежала желтая книга, и вроде такие же он видел у музыкантши. Вернулся к парням, посмотрел книгу — Альфонс Доде, пятый том. Спросил у студента — где брал. А тот, не моргнув, ответил, что купил в магазине. Вроде и убедительно, а сомнение закралось. Требовался повторный визит к даме в строгом костюме. Но из Дворца культуры подозреваемая вышла вместе с ним, а домашнего дворца у нее не было, на квартире жила. Вынужденный простой азартному человеку страшнее пытки. Бредет в гостиницу, наказание для студента придумывает, если версия, конечно, подтвердится. Разряд понизить или премии лишить... для этого большого ума не требуется, ему хотелось закончить свое долгое расследование чем-нибудь оригинальным. И придумал созвать комсомольское собрание, отчитаться по всей форме о проделанной работе, растолковать глупцам, что женщины в строгих костюмах всегда готовы к предательству и спать с ними неприлично, а потом заставить всех подписаться под протоколом осуждающим неприглядное поведение тихушника. Правда, студент был единственным комсомольцем в бригаде, но можно ведь открытое собрание устроить, главное, чтобы протокол остался и было бы что друзьям показать.

Каждый развлекает себя, как умеет, а ждать и догонять — для всех одинаково муторно.

На другой день узнал расписание музыкальных кружков и подошел к последнему часу. Сел в дальний угол и газеткой прикрылся, чтобы не спугнуть. Коридорный разговорец его не устраивал, надо было попасть в кабинет и посмотреть книги. Таился, осторожничал, а музыкантша увидела его и заулыбалась. Гена, конечно, знал, что у каждой уважающей себя женщины несколько лиц, но такого превращения даже он не ожи-

дал. Смотрит на нее и не то чтобы не может вспомнить, зачем пришел — может, разумеется, — но вспоминать не хочется. И все-таки заставил себя подойти к полке. Сошелся пасьянс — точно такие же Альфонсы, шесть штук из семитомника. И не хватает именно пятого. Были вопросы, и не стало вопросов. А вместо них появилось желание допросить. Сильнее даже, чем прежде. Аж голова плывет и в костях ломота. А, главное, что и у нее в глазах желание пооткровенничать. Куда деваться? Некуда. С прежними подозреваемыми такого не было, там вроде как работу выполнял, а здесь...

Раз допросил.

Два допросил.

Три допросил.

Штору отодвинул — уже темно. А у нее хозяйка строгая. Домой пора. Неохота одному оставаться. И в гостиницу неохота. И к студенту, отношения выяснять, еще пуще неохота. Какие уж тут выяснения? Что ему говорить? Правду? Кому от такой правды выгода? Мужская правда женской — не судья. Она из правды в сплетню превращается. Неблагодарно и неблагородно. Черт с ним, со студентом, и с инструктором то же самое. Плевать на них. И на всех плевать.

Вечера дождался и снова на допросы. И так до конца командировки... без выходов и без отгулов.

А как же студент, спрашиваете, вернул ли книгу?

Не знаю. Генат об этом умолчал, а любопытствовать при таком деликатном раскладе, сами понимаете...

КИПЫЧ И РУДОЛЬФ

В паспорте он значился как Владимир Титович, но работал на участке контрольно-измерительных приборов, сокращенно КИП (это для тех, кто в производстве не разбирается), вот и переделали Титыча в Кипыча. Там же трудился и Рудольф. Рудиком или Рудькой его никто не называл. Только Рудольф — никакому панибратства. Приучил. Жили они в нашей кошаре и оба были горбунами. Комендантша хотела их в одну комнату поселить, но парни заупрямились. Они вообще старались вместе не появляться. Оба щупленькие, оба носатые. Только у Рудольфа верхняя губа была короткой, поэтому ходил с постоянной улыбкой. С недоброй улыбкой, надо уточнить. И сам был злой. А Кипыч — добрый. И главное, в работе безотказный. Надо в субботу выйти — выходит в субботу; надо в воскресенье — пожалуйста; надо задержаться до позднего вечера — он и до ночи готов. И никаких скидок и поправок на горб. За тяжелую работу, конечно, не хватался, но в автоматике грубой силы почти не требуется, там умные руки нужны и гибкие мозги. А это было при нем. В полном комплекте. Пока мы собак гоняли да за девками бегали, он школу с медалью закончил и в институте лекции не прогуливал. Водкой не увлекался. Изредка — в день отъезда, в день приезда, если теплая компания собиралась. Но пьянел быстро и обязательно рассказывал какую-нибудь любовную историю. Их у него было штук пять. Самая интересная про актрису.

Прилетел он в Абакан, а там гастролировал московский театр. Мирно идет по гостиничному коридору, а навстречу ему красивая женщина с распущенными волосами. Если бы не слышал про гастроли, может, и не узнал бы. А тут сразу вспомнил, что видел ее в кино. И страшно стало.

Первый раз в жизни увидел знаменитость, с близкого расстояния. У нее бутылка коньяка в руке, а у него бутылка кефира. Пролетел мимо к своему номеру, да от волнения с замком совладать не может. Ключ выронил. Нагибается, видит, что и она остановилась. Смотрит на него, а потом подходит и спрашивает:

«Один в номере?»

Номер был двухместным, но сосед съехал, а нового пока еще не поселили. Отвечает, что один.

И тогда она ошарашивает другим вопросом.

«Стаканы чистые в номере есть?»

Телевизора не было, холодильник не было, а стаканы были.

«Есть, — говорит — стаканы, два и оба чистые».

Зашли в номер, она сразу же перемыла стаканы. Плехнулась на стул. Юбка короткая, колени круглые. Выпила сама и его коньяком угостила, а потом уже объяснила, что ей надо отомстить мужу. Выпили по второй, и она, употребляя матерные выражения, рассказала какой кобель ее мужик. Матерящихся женщин Кипыч не уважал, но у актрисы это получалось легко и к месту, задушевности в общении добавилось.

Имени своего не назвала, но Кипыч читал в «Советском экране», что муж у нее тоже знаменитый актер.

По ее словам получалось, что у него давно «на пол-шестого», но при этом постоянно бегаёт на сторону, и не только к молоденьким. Как такое может получиться, она не объяснила. Кипыч думал, что она допьёт коньяк, понервирует неверного своим отсутствием и уйдёт к себе в номер до выяснять отношения. А она без дешевой театральности — если мстить, так до седьмого пота. И Кипыча своей мстительностью заразила. К тому же он перед этим больше года постился. Ушла только под утро. Сказала, что никогда не забудет эту волшебную ночь и за нос на прощанье ущипнула.

Поверить в такую красивую сказку очень трудно. И Кипыч это понимал, но у него были свои соображения и объяснения.

«Не верите? — спрашивал он, — я сам себе не верю, мне кажется, что все это приснилось, и расскажи кто-то другой, тоже не поверил бы. Но вся соль в том, что она хотела отомстить, поэтому выбрала не красавца баскетболиста, а горбуна, чтобы мужу больнее было. Она потом специально показывала меня своему законному. Думал, что придет морду бить, но не пришел. Или побрезговал, или скандала постеснялся».

Его, конечно, спрашивали фамилию артистки, но он вставал в потешную позу и напоминал любопытным, что порядочные мужчины сплетен не распускают.

Парни ему не верили — мало ли что нафантазирует подвыпивший мужичонка. А я допускаю. У меня самого нечто похожее приключилось в провинциальной гостинице. Не с артисткой, но с дамой из высшего общества.

Рудольф историю с артисткой, разумеется, знал, но когда при нем вспоминали о подвиге Кипыча, брезгливо морщился. О женщинах он не распространялся. Они его вроде и не интересовали. Расклад, в общем-то, понятный.

И вот как-то организовалась нечаянная пирушка. Гена Саблин заехал в кошару отдать Рудольфу долг. Ну и, естественно, бутылку в благодарность прихватил. Только уселись, Анатолий Степанович с двумя девицами является. На улице холодно было, вот и зашли погреться. Очень при-

личные девушки, к нам иногда и такие заходили. Одна из них при Анатолии Степановиче, вторая в свободном поиске. Невысокая стройенькая брюнетка. Лицо с явным сибирским акцентом, глаза раскосые, но большие и веселые. Свободная женщина всегда приносит оживление в мужскую компанию, даже трезвую, а мы уже успели подогреться. Выпили за знакомство, и Рудольф побежал в свою комнату. Мы с Геней облегченно вздохнули. Без него как-то спокойнее. Водились за парнем нездоровые привычки. Срывался во хмелю на выяснения отношений. Умел испортить настроение, а мы настроены благодушно, да еще и девушка свободная. Но рано радовались. Вернулся, с магнитофоном на руках и бутылкой в кармане. Сразу же музыку врубил, да так громко, что разговору места не осталось. Анатолий Степанович убавил. Рудольф прибавил и сделал еще громче прежнего. Гена показал ему кулак и снова убавил звук. Рудольф сделал выводы, успокоился, но долго терпеть не смог. Поднялся и пригласил девушку танцевать. А какие танцы в общежитиевской комнате с четырьмя койками? Полтора квадратных метра возле окон и полтора — около двери. Но девушка пожалела убогого. Топчутся. Ее губы на уровне его лба, как раз для прощального поцелуя. Одна песня кончилась, другая началась. Она порывается сесть, Рудольф не отпускает — после первой не закусывают. И только после третьей песни еле уговорила присесть, пока мужики все вино не выпили. Чувствует, что Рудольф засидеться не даст, переглянулась с Геней — выручай, мол. Рудольф уже подниматься начал, но Гена опередил. Только главный танцор не успокоился, подскокил, хватает ее за руку и тянет к себе. Гена вежливо отстранил его и прикрыл девушку корпусом. Пока они танцевали, пылкий влюбленный налил себе и выпил, никого не приглашая. Встал и ждет, когда танец кончится. Не утерпел, повернулся к столу и выпил из попавшегося под руку стакана. И снова возле парочки топчется, то с одной стороны подлезет, то с другой. Потом в ладоши захлопал, вроде как «разбивает». Девушка прячется за спину Гены. У меня тоже ума палата, окликнул его и позвал выпить. Надеялся, что опьянеет и заснет. Опьянел, но не обмяк. Выбрался из-за стола и снова на подвиги. Плечо между ними протиснуть пытаются, а когда не получилось, кулачишком в бок тыкать начал. Гена не реагирует, только посмеивается. Рудольф кипятится, схватил девушку двумя руками за локоть и тащит к себе. Она визжать. И тогда не выдержал Анатолий Степанович. Зажал его башку между колен, отмерил на кончике ножа сантиметра полтора и ткнул пяток раз в задницу. Сначала в одну половину, потом в другую, для симметрии. Интеллигент, рафинированней некуда, а прибалтанные методы успокоения где-то освоил. Рудольф поверещал и затих.

На другой день герой с удивлением пожаловался, что ему почему-то больно сидеть, и Анатолий Степанович занудным голосом, не упуская подробностей, объяснил ему причину недуга. Рудольф заверял, что ничего не помнит. Может, и на самом деле заспал, по-всякому бывает.

Потом он перевелся на строящийся завод и, говорят, быстро получил квартиру. Может, и так. Не знаю, на новоселье он никого не приглашал.

А Кипыч попал под машину. Но странное дело, перед этим он раздраил все книжки. И те, что почитать покупал, и те, что по работе нужны. Мне пасатижи отдал. Я отказывался, а он незаметно положил их на кровать и ушел. Даже «спидолу» сыну вахтерши отдал. Может, шальная машина и не случайной была?

Поговорка раньше была: «Береги платье снову, а здоровье — смолоду». Или честь смолоду?

Подзабыл. Давно ни от кого не слышал. Наверно, все-таки — честь, о которой теперь почти не вспоминают. Зато о здоровье талдычат постоянно и по радио, и по ящику. Вот и я о нем, безвозвратно растроченном, прокуренном, пропитом и т.д. Внушали с детства, да мало кто прислушивался. Однако встречались очень даже экономные. С двумя такими работать довелось. И жили в одной кошаре. Они, кстати, не только тезками были, но и похожи, как братья: оба чернявые, сухопарые. Но, главное, повадки одни и те же, хотя приехали из разных мест. Один сибиряк, другой из краснодарской станицы. Техникум закончили и отправились: один — в Сибирь, якобы за длинным рублем, другой — в краевой центр, чтобы далеко не отрываться от целебной черемши и прочих продуктов, выращенных на домашнем натуральном навозе. Но нашли друг друга сразу. Общие интересы свели. Работали без особого рвения и в дело вникать не спешили, но ребята непьющие, уживчивые, с девушками легко знакомились, поэтому старики охотно брали в командировки и того, и другого. Таких удобнее держать на подхвате, чем смышленных разгильдяев. Но брали поодиночке, чтобы перебора балласта не было. Один нахлебник бригаду не обьет. Да и, справедливости ради, не скажу, что совсем бесполозные работники. А с толковыми учителями и сами понемногу заматерели. При этом нормальных дурных привычек от своих матерых наставников не переняли. Если в застолья попадали, то — не больше стакана сухого вина или шампанского. Про курево, полагаю, и упоминать нет смысла. Ребятишки с детства усвоили полезный лозунг: «Помни, пионер не пьет и не курит — здоровье не в рюмке, а в физкультуре».

Короче, здоровье через край брызжет, а им все мало — зарядку по утрам делают. Особенно в командировках, когда на работу можно опоздать. И парни рассказывали, и сам видел. Выпало как-то с тем, который краснодарский казак, приключение длиною в полтора месяца. Дорога недалёкая, но с двумя пересадками. Сначала с поезда на поезд, а потом еще и на автобус. Был бы один, я бы и не заметил эти неудобства. Ситуация накатанная. Дело даже не в том, что ехали по разбитой дороге, стоя в переполненном автобусе, но на каждой пересадке приходилось его барахлить таскать. У меня-то, как в солдатской песне, все имущество в ночной горшок вмещается, а у него пузатый баул спортивной одежды и лыжи с палками. Но едем-то не на туристическую прогулку, а работать, приборы с собой возем, для них уже третья и четвертая рука нужны. А у меня их тоже только две.

Гостиница на руднике перед нашим приездом сгорела. Поселили нас к доброй бывшей ээчке. Дымила, как неналаженная котельная. Одну папиросу от другой прикуривала. У Шурика весь организм возмущается. И форточки на зиму заклеены. Не станет же он хозяйку на улице выгонять, чтобы его здоровье не страдало. Я, грешным делом, не постеснялся воспользоваться ситуацией, в тепле покурить намного приятнее. Потерянное здоровье надо восстанавливать, и Шурик каждое утро, не жалея рабочего времени, изматывает себя зарядкой, а через день бежит кросс на лыжах. У бабки в ограде метровые сугробы, возле стайки гора неколотых дров, но совместить приятное с полезным физкультурнику даже в голову не приходило. Все это оставлялось для пьяницы Петухова. Я, в общем-

то, не злоупотребляю, но в его глазах выглядел законченным алкашом. Однако в разведку с ним не пошел бы по другой причине — храпит слишком громко.

Водку Шурики не пили, а закусывать были горазды.

Гости ко мне пришли. Принесли свежей рыбы. Пошел пожарить, а плитка занята — Шурик глазунью из восьми яиц готовит. А второй в это время в коридоре гантелями машет. С глазуньей возни немного. Подхватил он шкворчащую сковородку и друга зовет — пошли, мол, поужинаем. А тот ему — сейчас, еще немного, еще чуть-чуть, а сам продолжает махать: ноги на ширине плеч, руки перед собой, поворот влево, поворот вправо. Второй Шурик выглядывает из комнаты, зовет:

«Иди, остывает».

«Еще минуточку, пять приседаний осталось», — успокаивает.

Отприседался, оттерся холодной водой под краном, играя передо мной бицепсами и трицепсами, приходит в комнату, а друг последнее яйцо додает — увлекся. Расстроился и явился к нам. Угостите, мол, рыбкой, очень вкусно пахнет. Угостили, даже рюмку налили. Рыбы поел, а от рюмки наотрез отказался.

Каждое лето сибирский Шурик ездил на юга. Если не получалось взять профсоюзную путевку, отправлялся дикарем. Солнечные ванны, морская вода и восхищенные взгляды одиноких дамочек прибавляют здоровья не меньше, чем лыжная прогулка. На пляже, как на сцене, а в койке, как на арене. Он и в городе все свободное время на пляже пропадал. В Енисее долго не поплаваешь, зато накаченным торсом и кубиками на животе есть кого заинтересовать. Знакомиться на пляже надежнее, чем в театре — весь товар на виду. Он там и жену закадрил. Дочку большого начальника. Переехал в ее квартиру и нашел работу без командировок.

Встретились случайно на улице, он и говорит: «Статью умную прочитал, и там доктор наук доказывает, что ночью вступать с женщиной в интимные отношения очень вредно для здоровья, так что я теперь этим делом занимаюсь только днем».

Я поблагодарил за предупреждение. Смотрю, мой автобус подходит. Начал протаться. А он хватает за рукав и продолжает про ту же статью. В ней и про выхлопные газы написано. Оказывается, они плохо влияют на потенцию, поэтому он старается ездить на трамваях и троллейбусах.

А второй Шурик от постоянной заботы о здоровье сошел с ума. В самом натуральном смысле. В психушку угодил. Потом родители из Краснодарского края приехали и увезли его с собой. Что с ним стало — не знаю.

Впрочем, жить с тещей, у которой муж большой начальник, на мой взгляд, тяжелее, чем в дурдоме.

ВОЕННЫЕ

Торф, если его не трогать, сам по себе не загорится. Человек, впрочем, тоже. Самовозгорается неправильно убранный торф, когда его собирают в караваны непросушенным. Но сказать легко, а выполнить план трудно, особенно при капризной погоде. Кто не рискует, тот не получает премию. Вечная наша надежда на авось. Гнали, гнали, гребли, гребли. План перевыполнили, начальство прогрессивку подсчитывает — два пишем, семь в уме. А караваны убранного торфа возьми и задымись. Природу не обманешь.

Пожар — зрелище страшное. Однажды, помню, возвращались со вто-

рого поселка, ночью. Ветер задурил, и там, где узкоколейка вдоль разра- боток тянется, видно, как с гребня каравана искры в небо летят. Зима стояла: черное небо, белый снег и фонтаны искр. Прилипли к окнам — любуемся. Ни фейерверков, ни салютов, ни, тем более, извержения вул- канов ни разу не видели, а тут такая бесплатная красотища. Любо- доро- го, особенно, если смотришь из вагона, он хоть и не отапливается, но ко- выляет в сторону дома, и железная крыша над головой. Послевоенным пацанам любая пиротехника в радость.

Но эти пожары начались в августе. Говорю же, на перевыполнение плана по добыче замахнулись. В конторе переполох — премия горит. С утра и дотемна толкуются на болоте, зная, что платить за это никто не бу- дет — рабочий день ненормированный. У трактористов свехурочные ка- пают, но большой радости от таких денег не бывает — нормальные люди, понимают, что деньги все-таки пахнут.

Областные чины прикатили. Москва круглые сутки на проводе. А пожар ярится и ширится. Если говорят, что аппетит приходит во время еды, так это в первую очередь об огне. Ненасытный, жрет все, до чего дотянется.

Московские власти, наверное, тоже перепугались, прислали роту курсантов. Не кремлевских, разумеется, а из какого-то заштатного пехот- ного училища. Прибыли они, когда с пожаром понемногу справиться стали. Не победили, но перелом уже наступил. Разделили их на две груп- пы. Ударную часть отправили на второй поселок, там площади больше и ситуация тяжелее, а у нас оставили шесть человек, неполное отделение. Расквартировали их в школьном спортзале. А там и клуб рядом, и танц- площадка. Аврал авралом, а кровушка-то молодая. Днем работа, вечером охота. Если на погляд, парнишки прибыли ничем не примечательные, но девушки приезжих любят, а военных — тем более. Без пяти минут офи- церы все-таки. Об иностранных принцах на белых мерседесах в те годы еще не мечтали.

Курсантики не успели устроиться, а наши красавицы уже напевают: «...что-то мне, подружки, дома не сидится...» Так ладно бы Томка Шува- ева с Люськой Парамоновой, которые после седьмого класса работать по- шли и быстренько, так сказать, повзрослели. Эти злых языков уже отбо- ялись. Но и отличницы осмелели. Принарядились. Моционеры совершают. Дойдут до клуба, постоят и обратно медленными шажочками. Дамская разведка отличается от военной тем, что не прячется, а, наоборот, делает все, чтобы ее быстрее обнаружили. Чем заметнее маскхалат, тем лучше. Два-три раза прогулялись мимо окон, и курсанты услышали команду: «Подъём!» Сначала один самый смелый и языкастый подошел поинтере- соваться, нет ли поблизости пруда, в котором можно поплавать и поны- рять, а потом и подкрепление прибыло.

Недели не прошло, а уже и парочки сформировались. Нашим парням такой беликкриг, сами понимаете, понравиться не мог. Хорошо еще обо- шлось без того, что чья-то подружка загуляла с военным. Им и свободных девушек хватало. Были, конечно, тайные воздыхатели, но если раньше боялись чувства открыть, то теперь и подавно помалкивали. Конкретно, обиженных вроде и не было, но общее недовольство шипело и булькало. Особенно нервничал Витька Евдонов. У него, кстати, имелась постоянная подружка, Райка Селиванова. Пусть и не красавица, но голос не хуже, чем у настоящей артистки. А он не только на гитаре бренчал, его и в футбол за взрослую команду выпускали. Короче, завидовать нужды не было. Но

соседка его задружила с курсантком, и ему это почему-то сильно не понравилось. Начал народ мутить, дескать, негоже своих девушек чужакам уступать. Чего взъелся? Но, с другой стороны — ходила недотрога, получала свои пятерки и четверки, две главы из «Онегина» знала наизусть, вот и зубрила бы третью главу, коли такая правильная. Может, он так думал? А может, и сам ее в личный резерв зачислил? Хитрый портной с запасом кроит. Райка уже приелась, а тут нецелованная отличница с ямочками на щеках. Он даже Томку Шуваеву к военным приревновал. За год до их приезда, пока еще с певуньей не закрутил, хвастался, что водил ее в кусты за линией, побаловался, дескать, и бросил. Правда, не мешало бы спросить, кто с кем баловался и кто кого бросил. Томка через неделю с вратарем из взрослой команды загуляла. И он не возникал, потому что свой, поселковский. А военному нельзя. Кстати, Томка жила от него через дом. И тот курсант, который у них заводилой был, не побрезговал воспользоваться ее добротой. Ушлый парень. Звездами любовался с пионервожатой, а после романтического свидания, уже разогретый, пробирался к Томке и уводил к себе в спортзал, там закутков много, есть где уединиться, и кувыркаться на матах не так жестко.

Кривые тропы пересекаются чаще прямых. Вот и совпало. Евдон возвращался домой, увидел на лавочке отличницу с курсантиком. Сидят, воркуют. Прошел мимо — не заметили. Воспринял как неуважение к собственной персоне. Возвратился и предложил ухажеру уматывать, пока зубы целы. А какой парень вытерпит, чтобы его при девчонке позорили? Тем более, военный. Материться не с руки, значит, в дело кулаки. Но первым ударил Евдон. А тому что оставалось? Надо офицерскую честь спасать. Хлещутся, а отличница, на удивление, не паникует, смотрит, как дерутся из-за нее, интересно глупенькой, кто кого, волнение — как при первом поцелуе, а может, даже и сильнее. Евдон все-таки покрепче был, но на его беду появился ночной хахаль Томки. Крался к окну, чтобы сигнальный камушек в стекло бросить, а вляпался в драку. Где же вы, друзья-однополчане? Вовремя подоспел, как десант из засады. Отступать пришлось Евдону.

Потом он заверял, что махался довольно долго. Но когда один против двоих, без отметин на портрете не обойтись, а он как-то исхитрился. Зато главное дошло до всех: он — один, а военных — двое. Неправильная драка, несправедливая. Евдон обежал полпоселка с призывом восстановить справедливость, отдать должок чужакам. И все соглашались, что спускать нельзя.

Решили собраться возле клуба к семи вечера и показать — кто в поселке хозяин. Я тоже пообещал, хотя Евдона недолюбливал. Не мог забыть, как год назад играли в футбол класс на класс. Мы выигрывали. Евдон, конечно, звездил, его уже тогда мужики два раза в команду брали. Короче, счет 4:2, игра идет к концу, Евдон выходит один на один, от защитников убежал, казалось бы, верный гол, но вратарь бросается в ноги и прижимает мяч к груди. Евдон сам виноват, не надо было мастериться, ткнул бы в дальний угол метров с четырех, но ему захотелось обвести вратаря, поиздеваться, а тот, не долго думая, выстелился и снял мяч с ноги. И тогда Евдон с досады врзал ему бутсой по лицу. Обидно, конечно, но нельзя же так звереть. У парня кровяшка из носа. Все свои, делить особо нечего. Мы и доигрывать не стали. Евдон оправдываться начал, дескать, замах не мог остановить, но я-то рядом бежал и видел, что замахнулся он после того, как мяч отобрали, он же в обводку шел, а не к удару готовился.

В общем, не хотел я идти воевать за него, но испугался показаться трусом.

Обещали многие, но собралось девять человек вместе с Юркой Саниным, которого не звали, сам явился, добровольцем, можно сказать, Узнал от кого-то, что драка затевается, а для него это всегда в удовольствие. Пивом не пой — только дай помахатьсья. Я вот, например, просто так, ради спортивного интереса драться не могу.

Встали мы полукругом у входа в спортзал и орем, чтобы выходили. Ждем, рассуждаем, что если струсят, окна выьем с двух сторон и ворвемся. И никому в голову не приходит, что нас бы самих в эти окна подиночке затаскивали и штабелями укладывали. Но окна бить не пришлось. Не испугались курсанты. Сначала вышел один. Прямо как Челубей на бой с Пересветом, или, наоборот, не знаю уж, кем он себя чувствовал, защитником или агрессором? Спустился с крыльца и остановился метрах в трех от нас, и спрашивает, зачем пожаловали, будто не понимает — зачем. Голос медленный, но спокойный. Хорошо держится парнишка, но вожак по-другому и не должен себя вести, иначе, какой же он вожак. Евдон кричит, что этот гад на него напал, пальцем показывает, словно «ату» командует. На его крик и остальные курсанты на крыльцо высыпали. Встали рядышком. Их шесть, нас девять. Стоим, препираемся: кто первый начал, почему двое на одного, почему к нашим девкам липнут — а почему бы и не липнуть, если они согласны; кто мы такие, кто они такие... Короче, базарим. Но резких движений не позволяем. Ни мы, ни они. Может, так и разошлись бы. Да Юрке Санину надоела пустопорожина, он же драться пришел, а не болтушку хлебать. Врезал тому, кто ближе к нему стоял.

И началась потеха.

Каких-то особых приемчиков у военных я не разглядел. Дрались по-деревенски. Училище пехотное, это погранцов с десантниками натаскивают. В этом смысле, можно сказать, что нам повезло. Все было по-честному: без арматурин, без велосипедных цепей, а за ножишки... я вообще не припомню, чтобы поселковая шпана когда-нибудь хваталась. Кто как махался, сказать не могу — не следил, не до того было. Их шесть, нас девять, а летающих в воздухе кулаков не меньше сотни. Только уворачиваться успевай. И все-таки свой пирог во весь бок я заработал. Кто первый побежал, тоже не видел. Их шесть, нас девять, но побежали мы. Кинулись врассыпную. Только пятки засверкали. Стояли вместе, а бежали врозь.

Почему не одолели? Нас же больше было, и ребятишки подобрались не слабые. Может, военные особую тактику и стратегию применили? Не знаю. Не заметил. Скорее всего, они были дружнее нас. И отступить им было некуда. А мы разбежались по домам и даже не заметили, что Юрка Санин лежащим на земле остался. Бросили раненого добровольца на поле боя. Но курсанты проявили благородство. Привели к себе, дали умыться, чтобы не шарашиться по родному поселку с окровавленной мордой, и даже водки налили. Юрка потом рассказывал, что ночью с их вожакком ходили к Аркахе Киселеву за самогонкой.

На другой день после побоища Евдон снова пытался кодлу сколотить, но обязательно подготовиться к новому бою и действовать продуманнее, чтобы наверняка.

Ни готовиться, ни действовать желающих не нашлось.

А военные продолжали гулять с нашими девушками.

И самое интересное, что Нинка Студенцова сразу после школы вышла замуж за одного из них. Носатая, нескладная на нее из местных никто внимания не обращал, однако смогла окрутить — может быть, и будущее-го если не генерала, то подполковника — наверняка.

БОРОВ

Хороший человек любую дурную кличку облагородит. Вон Юрку Батурина Поленом на стадионе прозвали — и ничего обидного. Гаркнет толпа: «Давай, Поленушко, не подведи!» — и для парня все невозможное возможно. Пока играл — Поленом звали, завязал — в Юрия Петровича превратился. Отвалилась кликуха, и хирургического вмешательства не понадобилось. А уж если человечек с дерьмецом, тогда и приличное прозвище злее клейма въедается. Борька Перетолчин в поселке жил. И все звали его Боровом. Боров — не свинья, вроде бы и ничего оскорбительного. Так ведь и нормальным словом обматерить можно. Он, кстати, и не похож был на борова, скорее — на собаку. Бывают такие псы: помойки караулят, глазенки злющие, а хвосты поджатые, вроде бы всех боятся, а хватануть за ногу исподтишка случая не упустят.

Завелась в округе мода угонять чужие мотоциклы. Не насовсем. На день-два — полихачить, а потом возвратить. Особым ухарством считалось девчонок на краденой машине покатать. В деревню, например, на танцульки забросить, или в ту же деревню за чужими яблоками сгонять. Крапивник одолжил подобным методом чей-то «Ковровец». Спрятал с вечера, а на заре хотел смотаться на рыбалку. Подходит утром к тайнику, стал заводить, а мотоцикл не заводится — тросик со свечи уплыл, растворился за ночь, туманом смыло.

Вору навар, а воришке — шишки.

Развернулся Крапивник и короткими перебежками домой, в глубокое подполье. Сидит, носа на улицу не высовывает. Ждет.

А дождался дядю Васю Кирпичева на пару с хозяином «Ковровца». Тот, когда хватился, сразу к властям, а сыщик наш все сведения в народе добывал. Большое искусство для этого дела требовалось и терпение немалое, народ в поселке неоднородный подобрался: один слепой, другой глухой, третий немой... Но если не у седьмого, так у девятого — и ушки топориком, и язык по колено. Ваньке деваться некуда — сознался, но только в своем грехе. Тросик, мол, честное слово, не брал, вот вам крест и под салютом всех вождей. Он, если и врал, все равно божился, однако дядя Вася почему-то поверил. Да и как не поверить. Зачем пацану запчасть? Мотоцикла у него нет. Попробует толкнуть — сразу же попадетя, поселок — не город. Поверить-то поверил, но ущерб возмещать все равно пришлось Ванькиной матери. С хозяином деньгами рассчиталась, а с Крапивником — по-свойски. Мужика в доме не было, а мужской ремень для профилактики имелся. Хороший ремешок, солдатский. Может, единственное, что от залетного папаша осталось. Бедная Ванькина спина, особенно ее нижняя часть.

А тросик увел Боров. Но это немного погода всплыло. После того, как он... Дикий, конечно, случай.

Крутимся как-то на стадионе и вдруг видим — старушонка и незнакомая тетенька дядю Васю Кирпичева конвоируют. Физиономия у милиционера чернущая, словно гуталина объелся. Мы притихли. На всякий случай карты спрятали, хотя и подозреваем, что искать будут нечто другое. Подходят, и старуха сразу же палец в Крапивника:

«Этот!» — говорит.

Ванька шмыг за наши спины и уже оттуда, чуть не плача:

«Опять я! Где что натворят, все на меня. Не лазил я в их огород!»

Дядя Вася на старуху смотрит, молчит, но видно, что сомневается. И бабка молчит. Все молчат. Один Ванька блажит:

«Я всю неделю в десять часов спать ложился. У мамки спросите...»

Любой заблажит, если милиционеру на него укажут. Но плакался не зря, заставил старуху призадуматься.

«Черненькой был, — говорит, — только росточком вроде как выше», — и к Юрке Батурина присматривается.

А их уж никак рядом не поставишь. К тому же Юрка паинькой был, тимуровщик, он сроду по садам не шарился, батьку своего, начальника, боялся подвести. Но с ним бабка сама образумилась и перевела палец на Слободу.

«И черненькой, — говорит, — и рубаха его.»

Дядю Васю аж перекосило. А тетка, что с ними пришла, сначала все губы кусала, а тут махнула рукой и вообще отвернулась. Я тоже не стерпел, не мог Слобода ничего натворить, мы с ним только что с рыбалки вернулись, две ночи на реке просидели, он бы рассказал. Ну, я и объяснил дяде Васе, а он взял меня за плечо, повернул лицом к старухе и спросил:

«Может, он?»

«Кажись, похож, — соглашается бабка, — черненькой».

Ничего себе, думаю, высунулся, сделал доброе дело. И такое зло взяло. Крик поднял. Не хватало еще за чужие подвиги награды получать. Бабка снова засомневалась. Нас там человек пятнадцать было, и все одной масти...

Потом она еще на кого-то показала.

Игра втемную пошла, наугад, как в лотерею. И тут наш Боров под шумок, бочком-бочком... и к забору, как раз к тому месту, где две доски оторваны. Дядя Вася — за ним. Он наутек. А какой смысл? Беги не беги, все равно уже сам себя выдал. Где тонко, там и рвется. Нервы.

Но яблоками там и не пахло. Пострашнее история. Пошел Боров по грибки. И бабка туда же отправилась, от ее деревни до суходола чуть больше километра. Ну и встретилась в березнячке. Кругом ни души. Березняк хоть и мелкий, но густой. И ударила Борову сперма в голову. А старушка разве с ним совладеет, парень жилистый. Да еще и ножичком для острастки помахал. Короче, справил потребность — и в кусты.

Бабуля домой вернулась. И ведь не сразу, а только через два дня осмелилась с дочкой поделиться. А та терпеть не стала. Взяла в колхозе подводу и в поселок, к дяде Васе Кирпичеву.

А потом уже, когда Борова посадили, братишка его младший нашел в сарайке тот самый тросик от мотоцикла и притащил ко мне, узнать, можно ли из него сделать поводки для жерлиц.

Я бы и вспоминать об этом Борове не стал, но, представляете, поехал в субботу в город пива попить и встретил его на улице. Точнее сказать, не встретил, а он меня на машине обогнал. Тормознул, до вокзала подвез. Пока ехали, расхвастался, как заяц: и женился удачно, и в доме под снос прописался, и машину купил. Да черт бы с ним и с его колымагой, я человек не завистливый. Так ведь он, когда узнал, что я до сих пор холостякую — теленком меня обозвал и жизни начал учить. Я даже возразить не смог. Язык отнялся от такой наглости. Это называется — посади свинью за руль... Нет, честное пионерское, слушал его наставления и слов для ответа не находил. А со мною такой немоты никогда не случалось, сами знаете.